

ДА СУДИМЫ БУДЕТЕ

73-й год Великой Победы советского народа над фашизмом. Между тем на земном шаре не утихают военные конфликты и перевороты... Нам, наследникам Победы, важно сохранить память о пережитом нашими дедом и отцами и передать молодежи. Чтобы избежать повторения трагедии.

На скамье подсудимых в гомельском клубе железнодорожников — 16 нацистских преступников

“Новый порядок” и его жертвы

С августа 1941-го по ноябрь 1943-го Гомельщина находилась под немецко-фашистской оккупацией. Разве можно забыть злодеяния, истязания, унижения, пережитые нашими земляками? Забыть — значит простить. Нет им прощения!

В декабре 1947 года в Гомеле прошли открытые судебные процессы, где судили нацистских преступников. Это было логическое продолжение судов, прошедших весной 1943-го в Краснодаре и Харькове, а также в конце 1945-го — начале 1946 года и в конце 1947-го в Смоленске, Брянске, Ленинграде, Великих Луках, Минске, Риге, Киеве, Николаеве. Тогда военные преступники и их пособники были приговорены к смертной казни.

Следующие судебные процессы прошли в Сталине (ныне Донецк), Севастополе, Бобруйске, Чернигове, Полтаве, Витебске, Новгороде, Кишиневе и Гомеле. 137 варваров, глумившихся над мирным населением, избежали высшей меры — 26 мая 1947 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР “Об отмене смертной казни”.

ИЗ СООБЩЕНИЙ “ГОМЕЛЬСКОЙ ПРАВДЫ” В ДНИ СУДА

От 300 до тысячи человек в Гомеле уничтожались в так называемом “Гомельском центральном пересыльном пункте”. На территории области немецко-фашистские захватчики убили и замучили 168 106 мирных советских граждан и военнопленных, угнали на рабский труд в Германию 18 745 человек, взорвали десятки крупнейших предприятий, разрушили школы, техникумы, театры, клубы, больницы, железнодорожные узлы, учреждения связи. В колхозах Гомельщины оккупанты сожгли 21 570 жилых домов и других строений, захватили много ценного имущества и продовольствия, более 318 тысяч лошадей, коров, свиней и овец.

В Гомеле военный трибунал Белорусского округа под председательством полковника юстиции Сахарова проводил в декабре 1947-го открытые заседания в тогдашнем клубе железнодорожников имени Ленина. 16 нацистов предстали перед судом, причем 11 из них офицеры и солдаты 110-й пехотной немецкой дивизии. Один из самых ярых — генерал-лейтенант Эбергард Куровски. Судебный процесс имел огром-

ный резонанс. О нем широко писала в те дни “Гомельская правда”. Эти публикации невозможно читать без содрогания.

Для свидетельств о бесчинствах представителей 110-й пехотной дивизии в Гомель приехали тогда жители и ряда российских населенных пунктов, ведь жуткие по своей бесчеловечности преступления фашисты, представшие перед судом, совершили и в 1941 — 1942 годах в Московской, Калужской, Калининской, Брянской и Смоленской областях. “Новый порядок”, который они насаждали, фактически был террористическим режимом грабежей и организованного массового уничтожения населения.

Мертвые зоны Куровского

Начав с уничтожения и сожжения Истры Московской области в 1941 году, в 1943-м Куровски дослужился до командира дивизии и в ноябре проводил карательные операции на Рогачевщине. В декабре под его руководством была сожжена деревня Турк вместе с жителями.

Четыре лагеря смерти на счету Куровского у Озаричей Полесской области: два в тылу его дивизии и столько же у переднего края обороны. “Гомельская правда” сообщила тогда, что в них содержалось более 9 тысяч человек, в большинстве своем старики, женщины, дети. Они расплачивались на земле, в грязи, испытывали голод и холод, заражались тифом...

Свидетельства

М. Шаблинская: “...Нас пригнали в один из озаричских лагерей. Он был расположен на сирой болотистой местности, обнесен в четыре ряда колючей проволокой и со всех сторон заминирован. Никаких помещений, кроме караульного помещения для немцев, здесь не было. По углам на вышках стояли пулеметы. Лагерь усиленно охранялся немецкими солдатами и жандармами. Один часовой стоял от другого на расстоянии трех-пяти метров. При себе они имели собак. Под открытым небом на снегу находились полураздетые и разутые тысячи женщин, стариков и детей. Заключенных, стремившихся разжечь костры, чтобы спастись от смерти детей, расстреливали. За все время моего пребывания в лагере нам раздавали только немного хлеба с глиной и опилками. Немцы бросали хлеб через проволоку в лица заключенных, сошедших с ума от голода. Большинству не досталось ни одной хлебной крошки. Мы были вынуждены пить

воду из ям, в которых находились трупы. С целью распространения инфекционных болезней немцы привозили на машинах больных тифом и размещали среди здоровых. Каждый день умирали сотни людей”.

Н. Сотников: “...По пути в лагерь был очевидцем, как одна женщина вышла из колонны, чтобы напиться воды из ямы, выбитой на дороге полозьями от саней. К ней подошел немецкий конвоир, схватил ее за голову, наклонил в воду и держал до того времени, пока она не захлебнулась. Вся дорога к озаричским лагерям была усыяна трупами. У самих лагерей они лежали штабелями, как дрова. Когда Советская Армия стала приближаться к озаричским лагерям, немцы стали расстреливать за каждого немецкого солдата, убитого на фронте, по 15 заключенных”.

А. Диглевич: “В 1942 году в Октябрьском районе Бобруйской области оккупанты расстреляли и сожгли заживо 17 тысяч человек. У всех погибших были отрублены мизинцы на левой руке и свезены в Бобруйскую комендатуру, как... “доказательство успешной операции против партизан”.

Отпуск — за убитого

Вместе с Куровским на скамье подсудимых были два начальника отделов штаба, пять бывших командиров полков, дивизионов и батальонов, а также три ефрейтора 110-й немецкой пехотной дивизии. Они не только рьяно выполняли приказы Куровского, но и инициировали варварские расправы над мирными гражданами. “За каждого убитого советского человека командование 110-й дивизии предоставляло любому солдату или младшему офицеру один день отдыха...” — свидетельствовал подсудимый обер-ефрейтор Шмук из 9-й роты 254-го гренадерского полка.

Приказы доктора юридических наук

Эрнст Энзен — подполковник, командир артиллерийской дивизии, член фашистской партии, был доктором юридических наук. На его счету преступные приказы о расстреле мирных жителей в Кормянском и Домановичском (теперь Калининский) районах. Только в деревне Задубье на Кормянщине расстреляли 57 ни в чем не повинных граждан.

Энзен очень вертко пытался на суде перевернуть свою вину за все злодеяния на высшее командование гестапо, на СД и СС. Этот юрист придумал термин “реконструкция” — так он называл разграбление

имущества на территории СССР. Прокурор полковник юстиции Л. И. Артименков тогда задал ему вопрос: “А какой международной конвенцией предусмотрены так называемые ваши реквизиции личного имущества населения? Это же грабеж”. Кривить лезвие нечем.

Проявлявшие нечеловеческую жестокость, проводившие жуткие расправы над мирным населением, в зале суда они вели себя трусливо, пытались хотя бы слегка затуманить свои злодеяния. От страха перед неминуемой расправой Куровски даже забыл фамилии командиров полков своей дивизии. Создание мертвых зон объяснял... “выравниванием фронта”. Кошунственным был его ответ на вопрос прокурора о целях создания четырех лагерей смерти под Озаричами. Гитлеровский преступник сказал: “Чтобы скопилось большое количество мирного населения передать Красной Армии”. А тифозных больных, по его словам, направляли в лагерь, чтобы не распространять тиф среди немецких войск. “Значит, вы стремились уничтожить как можно больше мирных советских людей, чтобы избавиться от них?” — уточнила у него сторона обвинения. “Было намерение избавиться таким способом”, — подтвердил Куровски.

Сжечь населенные пункты...

В декабре 1942-го подполковник, бывший командир 252-го пехотного полка 110-й дивизии Макс Гильдебайм упражнялся в расстрелах мирного населения Рогачева, а позднее отдавал приказы об уничтожении населенных пунктов Гомельской, Полесской и Могилевской областей. Уцелевшее население угонялось в Германию, а также на строительство оборонительных сооружений на переднем крае немецкой обороны.

Палач с фамилией поэта

Капитан Рихард Гейне усердствовал в гомельском лагере № 121 и его филиалах в Клинцах и Стародубе на Брянщине. Здесь от голода и холода, болезней и побоев погибли 100 тысяч военнопленных. За два месяца, февраль и март 1942-го, в гомельском лагере — 6 тысяч жертв. В Клиновском лагере ежесуточно гибли более 200 военнопленных. Переживший здесь все страдания и издевательства Г. Довгер свидетельствовал на суде в Гомеле: “В нашем лагере немцы сделали шестистажные нары. Ночью они обрушились и 60 человек погибли. Гитлеровцы мордовали военнопленных до смерти,

а потом подвешивали для устрашения в казармах. Был замучен, а затем повешен профессор Орлов из Куйбышева. Немцы запрягали по 5 — 6 военнопленных в колеса, грузили на них камни и песок, а наверх садился один из гитлеровцев с плетью или палкой. Никто не выживал после таких зверств... Особенно свирепствовали гитлеровцы, когда в лагерь приезжал один немецкий офицер, которого я вижу на скамье подсудимых. Он сидит в третьем ряду второй слева”. Председатель трибунала назвал фамилию Гейне и потребовал встать.

Гейне руководил эвакуантами по угону мирного населения на каторгу в Германию. На суде он подтвердил, что отправил более 100 тысяч человек, еще и подчеркнул: среди них было 20 тысяч детей...

Находившиеся в зале судебных заседаний гомельчане не могли без слез, выкриков реагировать и на содеянное водителями “душегубок”, курсировавших по улицам Минска. Герике и Грундман — представители гитлеровского союза молодежи сообщили, что ежедневно только из их гаража выезжало не менее четырех “душегубок”. С 20 июля по 20 августа 1942 года Грундман уничтожил на своей “машине смерти” от 5 до 6 тысяч минчан. Преступник вспомнил и о своих рейсах в Брянске, в которых загублено около 4 тысяч человек. Двоим душегубам обвинение представило счет в “9 — 10 тысяч загубленных жизней”.

Прощения нет

Всем фашистским преступникам была предоставлена защита. В процессе участвовали адвокаты Б. Любимов, К. Жудро, Я. Коваленко, М. Гринев, П. Богачев, А. Великотный, Н. Якушевский (инициалы приведены в белорусском варианте — прим. автора). Сами варвары в последнем слове просили о снисхождении при вынесении приговора, смягчении меры наказания.

20 декабря 1947 года военный трибунал признал всех 16 подсудимых виновными в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года и приговорил к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет каждого. Кстати, два генерала 110-й пехотной дивизии 6 октября 1955 года были освобождены и репатрированы...

У преступлений военного времени нет срока давности. Подтверждение тому приговор бывшему офицеру СС, 93-летнему Оскару Гренингу, вынесенный в 2015 году в Германии как пособнику в убийстве 300 тысяч заключенных в Освенциме.

Наверное, все-таки главная кара для нацистов — высший суд. Возмездие неминуемо.

Память и боль

В мае 2017 года, в преддверии 72-й годовщины Великой Победы над немецко-фашистскими захватчиками, в прокуратуре Гомельской области состоялась научно-практическая конференция на тему “Уголовное преследование нацистских преступников за злодеяния, совершенные на территории Гомельской области”. В ней участвовали ветераны прокуратуры, ученые, журналисты. С докладом выступил прокурор Гомельской области Виктор Морозов. Демонстрировались кадры документальной хроники, были представлены участники архивные материалы и фото процесса 13 — 20 декабря 1947 года в Гомеле.

Чтобы доходчиво донести до молодежи информацию о судебных процессах по делу нацистов, в последнее время стали использоваться и иные формы. В недавней публикации в газете “СБ. Беларусь сегодня” кандидат исторических наук доцент кафедры журналистики Новгородского государственного университета Российской Федерации Дмитрий Асташкин рассказал о подготовке премьеры — сценической реконструкции суда над нацистскими преступниками в Великом Новгороде. Там 7 — 18 декабря 1947 года держали ответ 19 военных преступников, которые получили, повесили, заживо сожгли на территории современных Новгородской, Ленинградской и Псковской областей более 34 тысяч человек, причем трое из них повинны были и в гибели 500 белорусов на Витебщине.

Реконструкция “Да судимы будете” прошла в декабре 2017 года в здании Митропольских покоев Новгородского кремля, там же, где в 1947-м был суд. Участники сценической реконструкции с помощью архивных фото и документов восстановили ход процесса, реплики его участников, воспоминания очевидцев. В проекте были задействованы актеры, писатели, журналисты, представители других профессий. И для них эта работа стала воздаянием памяти всем жертвам минувшей войны.

Тамара КУПРЕВИЧ